

МЮЗИКЛ? YES!

Масштабы нового мюзикла, премьера которого состоится 12 октября на сцене МДМ, поражают уже сейчас. Собранный в Америке и Канаде профессиональная труппа с главными героями, игравшими эти же роли на Бродвее, — раз. 16 тонн декораций, изготовленных компанией "Краснов-дизайн", — два. 630 костюмов для артистов (для каждой из 14 сцен спектакля все переодеваются), разработанных известным американским дизайнером Патриком Хеллманом, — три. Четыре — хореограф-постановщик московской версии международного хита Рэнди Скиннер. Он работал с самим Гауэром Чемпионом — легендой Бродвея — над его последним шоу, которым стала постановка "42-й улицы", впервые осуществленная на сцене в 1980 году (только на Бродвее этот мюзикл играли 3486 раз). И первая, и вторая постановки — в 2001 году Рэнди Скиннер снова выпустил на Бродвее "42-ю" — стали абсолютными триумфаторами премии "Tony Award", победив, каждая в свое время, в номинациях "Лучший мюзикл" и "Лучшая хореография" — это пять. Впрочем, пальцы можно загнать бесконечно: один только бюджет нынешнего спектакля заставит загнаться все остальные — 11 миллионов долларов.

НАТУРАЛЬНАЯ АМЕРИКА, ЧИСТЫЙ ПРОДУКТ — ВСЕ ЭТО

"42nd street"

Меридит и Шон: вместе на сцене и в жизни.

Секреты успеха Рэнди Скиннера: сельдерей, дисциплина и танцы с утра до вечера

Когда-то, в годы американской Великой депрессии, киномузыка "42-й улицы", выпущенный на экраны в 1933 году, стал одним из тех "спасательных кругов", за которые тогда удержалась нация. Сейчас у нас в стране вроде не все так плохо, но спрос на мюзиклы возник почему-то именно сегодня. И "42nd street" стал первым продуктом, целиком сделанным для нас на их почве: артисты даже поют по-английски (для желающих в научных — перевод). В общем, сделано все, чтобы москвичи и гости столицы почувствовали себя на 2 часа 15 минут на настоящем Бродвее.

Поэтому, конечно же, "МК" стало интересно узнать "кухню", на которой "заряет" натуральную Америку. Рецепт приготовления "вкусного блюда" от Рэнди Скиннера оказались весьма интересными и очень полезными — даже те, кого совершенно не занимают мюзиклы, найдут в его интервью массу практических советов, которые, быть может, изменят их жизнь — например, помогут похудеть. Но вначале, конечно же, про высокие...

— Вы работали с легендарным Гауэром Чемпионом — расскажите, каким он был?

— Он был потрясающим, и я был счастлив работать с ним — я оказался последним из его учеников. Когда я с ним встретился, он уже сильно болел, поэтому был с нами мягок и спокоен — таким я его и запомнил. У него был рак крови, он умер в ночь накануне нашей премьеры...

— Вы используете в своей работе его приемы?

— Да, конечно, много всего. Например, такое его правило, которым я всегда пользуюсь: те люди, которые в данный момент не нужны, должны покинуть комнату — никого не должно быть лишним.

— У русских принято кричать на репетициях, а вы можете позволить себе повысить голос на артиста?

— Я стараюсь все-таки позитивно относиться к людям. Хотя, конечно, иногда и взрываюсь. Но в принципе я считаю, что люди дадут тебе больше, когда ты к ним добр. Но когда кто-то дурничает или не выполняет домашнее задание, которое я даю, — я, конечно, ору.

— Вы общаетесь со своими артистами на темы вне шоу, спрашиваете у них: как твоя голова, ты вчера жаловался? Или: почему ты печален — что-то не в порядке дома?..

— Я считаю, что лучше держать профессиональную дистанцию. Конечно, на репетициях я общаюсь с ними, но вонне стараюсь держать дистанцию. Хотя часто случается так, что я как режиссер влюбляюсь в своих актеров и беру их из одного шоу в другое. И актеры, зная, что я могу позвать их работать и дальше, стараются быть дисциплинированными — выполнять домашние задания, не опаздывать, не приходить с синяками под глазами. Они знают: если такое случится, их сразу уволят.

— Вы придумали много нового в русской версии "42-й улицы": добавили сцену с большими зеркалами, сцену на большой лестнице, когда на ней одновременно танцуют 40 актеров. Как восприняли русские организаторы ваши идеи, которые усложнили, а значит, увеличили стоимость шоу?

— Каждый раз, когда я ставлю "42-ю улицу", я всегда придумываю что-то новое. Я выпустил два спектакля на Бродвее, три — по Америке, в Лондоне, Японии, Австралии, также тур, который шел по всей Европе, — по крайней мере 15 раз. И всегда я пытаюсь делать что-то новое, чтобы

не только аудитория удивлялась, но и артисты чувствовали, что они делают что-то новое, чтобы был творческий подход. Я хочу, чтобы они чувствовали себя как-то особенно, потому что они делают это впервые. Г-н Краснов тоже хочет внести свою лепту: он придумал очень интересные декорации, и мы вместе пытались их обыграть — это было классно. Для меня это большая честь — я счастлив, что работаю с дизайнером такого высокого класса и человеком такой энергии. Мы вместе пытаемся сделать что-то такое феерическое на самой большой площадке, на которой мне довелось работать, — почти 20 метров.

— Это правда, что вы танцуете с четырех лет?

— Да, мои родители отвели меня в танцевальный класс, когда мне было четыре года. Мне понравилось, и я там остался — родители не заставляли меня. Я начал со степ-а, потом занимался всем: и классическим балетом, и дальше постоянно учился всяким премудростям — например, танцу с тросточкой, акробатике, жонглированию. Потом я поступил в университет — получил диплом по педагогике — и переехал в Нью-Йорк. Вначале много танцевал сам — как в театрах рядом с Бродвеем, так и на самом Бродвее, много ездил в туры по Америке. Сейчас же я очень счастлив, потому что моя карьера столь разнообразна: я сам танцую, ставлю спектакли по всему миру, преподаю — все, что можно пожелать.

— Сразу после Москвы я начинаю готовить постановку совсем другую, на труппу из шести человек, где сам буду танцевать. Сначала она пойдет на местной сцене, потом, когда мы ее "обкатаем", перенесем ее на Бродвей. Она рассказывает об истории американского театра с 1900 по 1943 год — периоде становления нашего театра.

— Мистер Скиннер, как вы поддерживаете свою форму — вы танцуете вместе со своими актерами на репетициях?

— Да, я до сих пор репетирую сам — хожу в класс, каждый день делаю зарядку и, когда я в Нью-Йорке, то очень много хожу. И очень слежу за тем, что я ем. Я очень слежу за собой и много говорю о том же своим ученикам — потому что, если ты хочешь танцевать всю жизнь, ты должен смотреть далеко вперед и думать о том, как дальше будешь выглядеть и сможешь ли танцевать.

— Я думаю, что труппе тяжелее работать со мной — с хореографом, который до сих пор танцует, — чем с тем, кто сидит на стуле. Потому что у них не выйдет сказать мне: "Мы не можем". Когда я придумываю какое-то танцевальное па, я сначала выхожу и танцую его сам. Они не могут не повторить, потому что я в два раза их старше — и я могу!

— Как вы следите за своим питанием?

— Я ни за что не положу в свой организм алкоголь. (Таков дословный перевод. — Авт.) И также благодарю мне на этом этапе (мы говорили в примерке на втором этаже МДМ, где сейчас прописалась "42-я улица". — Авт.) запрещено курить: висит объявление, где указан штраф — 1 тысяча рублей.

— А если вдруг после премьеры придет президент Путин и предложит вам выпить за успех шоу рюмку русской водки и бутерброд с красной икрой...?

— В Америке тоже устраивают банкеты, но я поднимаю за успех стакан воды.

— И вы откажете нашему президенту?

— Я ни за что не положу в свой организм алкоголь. (Таков дословный перевод. — Авт.) И также благодарю мне на этом этапе (мы говорили в примерке на втором этаже МДМ, где сейчас прописалась "42-я улица". — Авт.) запрещено курить: висит объявление, где указан штраф — 1 тысяча рублей.

— И вы откажете нашему президенту?

— Я ни за что не положу в свой организм алкоголь. (Таков дословный перевод. — Авт.) И также благодарю мне на этом этапе (мы говорили в примерке на втором этаже МДМ, где сейчас прописалась "42-я улица". — Авт.) запрещено курить: висит объявление, где указан штраф — 1 тысяча рублей.

— И вы откажете нашему президенту?

— Я ни за что не положу в свой организм алкоголь. (Таков дословный перевод. — Авт.) И также благодарю мне на этом этапе (мы говорили в примерке на втором этаже МДМ, где сейчас прописалась "42-я улица". — Авт.) запрещено курить: висит объявление, где указан штраф — 1 тысяча рублей.

РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА ПО-БРОДВЕЙСКИ

Меридит Паттерсон: "Я — не "Женщина-зло!"

рогой город. И мне часто приходилось засыпать в слезах. Но я не хотела возвращаться: это было бы слишком легко — все бросить и уйти. Я всегда верила, что все получится.

Когда я приехала в Нью-Йорк, я все время училась (Меридит с отличием закончила Американскую академию музыки и драмы. — Авт.), одновременно посещая разные кастинги. И однажды я понравилась, и меня позвали в один спектакль, потом в другой. А мой дебют в роли Пэгги Соьер состоялся три года назад — в нью-йоркском театре "Вест-Честер". Потом я прошла кастинг для Бродвейской "42-й улицы" — сначала меня взяли в кордебалет, где я танцевала три месяца, а когда главная героиня ушла из мюзикла по своим личным причинам, продюсеры пришли посмотреть на дневной спектакль, где я играла вместо нее — была ее дублершей, и сразу же взяли меня на эту роль.

— Вам не кажется, что путь к славе у вашей героини несколько сомнительный: ведь именно она толкнула прима, и та сломала ногу, после чего вашей Пэгги и досталась ее роль? Вам не кажется, что она немножко стерва?

— Нет, что вы! — хохочет Меридит. — Когда вы будете смотреть спектакль, вы увидите, что там есть молодой человек, который ненадолго задел Пэгги, и она, падая, тоже случайно толкнула солистку Дороти. Если бы она сделала это специально, история называлась бы не "42-я улица", а как-нибудь по-другому, вроде "Женщина-зло" или что-нибудь в этом роде.

— Как вам в Москве? Ведь снова пришлось уехать из привычной среды, жить в хорошей, но гостинице — вы тяжело это переносите?

— Конечно, когда мне предложили девятимесячный контракт, мне стало страшно и я не была уверена, что соглашусь. Но когда разрешили его сократить до 23 декабря, я решила. 24-го я улетаю обратно. Рождество — очень большой праздник для нас, американцев. Да и моя родная сестра должна родить ребенка, а для ребенка другой сестры это будет первое Рождество — ему скоро год. И за многие годы это первый раз, когда я могу себе позволить встретить Рождество со своей семьей. Поэтому я указала это число. А потом у меня будут пробы на телевидении — меня приглашают в один проект, но я не могу сказать подробнее, пока это не случится.

— Голливуд вас заметил? Есть предложения?

— Пока нет никаких конкретных планов. Это пока еще детская мечта, часть которой, правда, уже осуществилась: я на Бродвее, я — звезда. Конечно, я хочу быть актрисой и попробовать себя пока на телевидении. (Меридит скромничает: она уже дебютировала в Голливуде, снявшись в комедии "Свои парни" вместе с Сигурни Уивер, Вуди Алленом и Джеймсом Трутнером. — Авт.) Но и оставляя карьеру актрисы мюзикла я не думаю — буду идти дальше.

— Вам нравится быть звездой?

— Конечно, кто же откажется! (Смеется.) Но это постоянный стресс — все время давать много интервью, всегда быть в классной форме, потому что от меня этого ждут. Но нельзя разделять прелесть звездной жизни и обязанности — в этом статусе есть и хорошие, и плохие стороны.

— А тяжело всегда быть в форме? Героиня романа Сомерсета Моэма "Театр", актриса Джулия Ламберт, говорила: "Когда я уйду со сцены, я буду есть только жареную картошку и запивать ее пивом!"

— Мне понравился ваш вопрос! — снова заразительно хохочет Меридит. — Да, я понимаю ее, но у меня нет такой проблемы: я молодая и могу позволить себе есть почти все что хочу. Но, конечно, я знаю, что камера набавляет каждому по пять ки-

лограммов, и поэтому я должна оставаться в форме — быть худенькой, — и я к этому готова.

— Но все-таки вы пользуетесь рекомендациями каких-то известных диетологов или сами знаете, что для вас хорошо, что плохо?

— Нет, я никогда к ним не обращалась — не возникало повода. Я много танцую и сбрасываю все лишние калории на сцене. Я танцую с трех лет, и я все время в форме. Перед концертом я ем обязательно суперсалат, чтобы набраться сил. А чтобы немножко расслабиться — почувствовать себя как дома, — я иду в "Макдоналдс".

— Скажите, Меридит, prime нужно репетировать больше, чем кордебалету, или, наоборот, можно и поменьше?

— В данном спектакле мне много приходится петь и играть — по-актерски, и я в основном репетирую это. А танцами я занимаюсь, наверное, столько же, сколько и кордебалет.

— Вы, наверное, слышали о системе Станиславского — вам это интересно, вы не хотели бы попробовать поработать по ней? Вы уже ходили в какой-то театр в Москве?

— Да, я познакомилась с ней, когда занималась в одной из студий в Нью-Йорке. Но попробовать самой познакомиться по ней еще не получилось, хотя я очень бы хотела... Сейчас у нас очень много репетиций перед премьерой, но потом, когда будет немного полетнее, я очень хочу поехать на балет в Большой театр — это моя мечта, я очень люблю балет! Да, и я уже была на балете "Эмеральда" в Московском музыкальном театре имени Станиславского и Немировича-Данченко — мне очень понравилось.

— А что вы делаете, когда не репетируете и не спите?

— Гуляем и ходим в рестораны.

— Вы с Шоном влюбились с первого взгляда?

— Да, — отвечают оба. (Она — смеясь. Он — серьезно.)

Тут все почувствовали, что обстановка немного накаляется, и мы перешли к вопросам к Шоно.

— Шоно, мне говорили, у вас за плечами школа драматического актера — так это есть?

Шон выходит из позы мумии — оживает:

— Да, я вырос в маленьком городке в штате Мичиган и учился в очень престижном университете искусств. У нас была программа по обмену — к нам приезжали педагоги из Москвы. Я не помню, откуда они были точно, — кажется, из МХАТа (видимо, из Школы-студии МХАТ. — Авт.). И они ставили с нами Чехова — я играл Астрова в "Дяде Ване". Потом у меня были роли в спектаклях по пьесам Шекспира и еще много других.

— А как вы оказались на Бродвее?

— Закончив университет, я переехал в Нью-Йорк и живу там уже три года. Мне повезло: первым же хореографом, к которому я попал, оказался Рэнди Скиннер. Потом я работал и с другими режиссерами в других театрах, но когда он стал собирать труппу для "42-й улицы", он взял меня на роль дублера главного героя.

— Кто же раньше оказался на бродвейской сцене — вы или Меридит?

— Мы одновременно начали — в ансамбле. Мы познакомились на репетиции "42-й" еще в нью-йоркском театре "Вест-Честер". А в бродвейском спектакле, куда мы вместе пошли на пробы и нас вместе взяли, вышло так, что сначала я, хотя и был дублером, много раз выступал и в основном составе: часто случалось, что главный герой не мог играть — то болел, то что-то еще.

— У нас в России все звезды, тем более молодые и хорошие, становятся объектом внимания серьезных людей — за ними начинают ухаживать бизнесмены или даже бандиты: вы не боитесь, что Меридит увезет от вас на шестидневном "Линкольне"?

Меридит хохочет:

— Скорее я переживаю за то, что на него накинута русская женщина...

Шон же коротко отвечает:

— Я готов к этому.

Меридит продолжает уже с серьезным выражением:

— У нас столь длительные серьезные отношения, что такого не может случиться. Мы вместе уже три года, а расставались всего один раз — на два месяца.

— То есть вы собираетесь пожениться?

— Я не знаю, — отвечает, явно смущаясь, Меридит после некоторого раздумья; во время паузы она несколько раз бросала взгляд на Шоно. Шон же философски промолчал, не меняя выражения лица. Вообще же он оказался крепким орешком, причем чувствовалось, что он из хорошей семьи, получил на самом деле приличное образование и скорее всего далеко пойдет. Спрашивая у него:

— Что вы будете делать, когда закончится ваш контракт?

— Еще до отъезда в Москву я уже репетировал в другом мюзикле на местной сцене, который планируется перевести, если он будет успешным, на Бродвей. Также меня приглашали еще в один мюзикл — планов много.

— Многие американцы, попав в Россию больше чем на месяц, забывают русскую хандру. Вы этого не боитесь? Или уже чувствуете? Если да, то как с ней боретесь?

Наша гостица попросила пояснить, что такое "русская хандра". И слово взяла Шон:

— Да, иногда нас раздражает, что в ресторанах обслуживают медлительно, что вообще все очень медленно. Когда приезжаешь сюда после Нью-Йорка, это очень заметно, хотя в остальной Америке люди живут тоже более расслабленно. И я уже заболел русской хандрой, как только спустился с трапа самолета: я сразу почувствовал, что здесь другой ритм жизни, но уговорил себя, что иногда нужно просто сесть и расслабиться и принять жизнь такой, как она есть. Но если б я Нью-Йорке я попал в такую пробку, когда долго сидишь и ничего не делаешь, я бы, наверное, с ума сошел, разорвался, — конечно, в Нью-Йорке тоже есть пробки, но не такие. А здесь я уже научился принимать это как должное.

По ночам же я сижу в Интернете — слушаю байбольные игры наших команд. К сожалению, не получается их видеть — только слышать, но мне это надо.

— Я тоже еще привыкаю к другому времени, стилю жизни, — продолжает Меридит. — И я очень скучаю по дому — чуть ли не каждый день звоню домой, пишу письма по электронной почте. И еще интересно вот что: вы знаете, в Америке тебе кажется, что есть только Америка, и, живя там, ты забываешь о том, что есть другой мир, потому что везде все про Америку, — здесь же мы узнали много нового не только о России, но и обо всем мире.

Елена СКВОРЦОВА-АРДАБАЦКАЯ.

Мюзикл "42nd street" представляет Борис Краснов — художественный руководитель проекта "Бродвей в Москве" — и "Газпром". Телефон "горячей линии": 775-22-42 (заказ билетов на мюзикл).